

ЮРИЙ ВОРОТНИН

И ВСЁ ИЩЕМ, ВСЁ ИЩЕМ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ...

* * *

Вновь проснись от того, что увижу во сне
Жизнь свою, проходящую мимо.
Сколько в памяти тьмы, если кровь, что во мне,
Непрерывна с рождения мира?

Возвращаюсь сквозь время, пытаю следы
И поклоны отвесные правлю
Я тому, кто из света и лютой воды
Затворил первозданную каплю.

Перед ним оправдаюсь за злые века,
За большие и малые чувства,
Тем, что жизнь дальше жизни моей протекла
И наполнила новые русла.

ВОРОТНИН Юрий Иванович родился в 1956 году в поселке Пирово Тульской области. Окончил Тульский политехнический институт. Печатался в альманахе "Поэзия", в "Литературной газете", в газете "Московия литературная". Автор книг "Стихотворения" и "Осень в райских садах". Член Союза писателей России. Живет в городе Дедовск Московской области.

* * *

Я долго б не жалел, что лето торопливо,
Когда бы удалось, собравшись впопыхах,
В зимовье унести дух молодой крапивы,
Ожоги от неё на сердце и руках.

Зимой лишь сон меня уводит из юдоли
Мерцания снегов в лучах смертельных звёзд,
И снится полоса меж лесом и меж полем,
Где пламенем встаёт крапива в полный рост.

А позднюю весной я, сам себе невольник,
В те заросли вхожу, кипящие огнём,
И вижу, где — раскол, и знаю, кто — раскольник,
И оживает Бог в язычестве моём.

* * *

Было — зимние дни проживал, не шадил,
Принимал их с тоской обречённую,
И терпел, как мороз мою шкуру дубил,
А метель печь топила по-чёрному.

Промерзал до костей, изнывал от простуд,
Сам себя медовухой отпаивал,
И спешил по сугробам туда, где цветут
Одуваны на солнышке палевом.

А теперь я и зимнему холоду рад,
Гололёду и утреней темени,
И живу каждый день, словно грешник у врат,
И вступить в них боюсь раньше времени.

* * *

Кто мне истину откроет,
Светом тьму посеребрит —
Не с того ли ветер воеет,
Что душа моя болит?

Кто удержит равновесье?
Кто пошлёт благую весть?
Есть над нами поднебесье,
И земля под нами есть.

Но опять в ученье строгом
Ересь тлеет, как ожог, —
То ли ходим все под Богом,
То ли все мы вместе — Бог?

Я стою под образами,
Я держу в руках свечу,
И закрытыми глазами
Вижу дальше, чем хочу.

* * *

Не подумай, что минула тысяча лет —
Меньше жизни прошло человеческой.
Я вернулся на родину — родины нет,
Лишь бурьян на усадьбе отеческой.

Дом качнулся, поник, но, как мир на китах,
Устоял на песке промороженном,
Как давно не бывал я в заветных местах,
Жизнь другими дорогами хожена.

Не чужая вина — сам изменник и тать.
Даже если репейники выполю
И под старость приеду сюда умирать,
Всё равно оправданья не вымолю.

Задохнусь от тоски, как зверёныш в клетки,
И тоску позову во товарищи,
Всем рассказывать правду о русском пути
По долинам, по взгорьям, по кладбищам.

* * *

Юг цветущий не сравнивай с севером,
Не кори перемётной сумой,
Посмотри на меня по-осеннему
И порадуйся жизни со мной.

Осень яркая вышла и ярая,
В предвкушении крепкой зимы
Все деревья гуляют боярами,
Погуляем с тобою и мы.

Чтоб потом под сугробами сонными
Снился сон нам один на двоих,
Где ладони твои невесомые
Замирали в ладонях моих.

* * *

Чтобы жизнь повернуть, не хватило чуток —
Двух глотков самогона лихого,
И сквозь пасмурный лёд, затянувший поток,
Не прорезалось вещее слово.

Мы в своих разговорах заходим за край,
Скоморошью жуём матерщину,
И всё ищем, всё ищем потерянный рай,
И поём про мороз и лучину.

* * *

Не укоряй овраг — он был когда-то руслом
Кормилицы-реки, и вспомни, словно сон,
Другую жизнь свою в столетье захолустном...
Вздохнёшь, и связь времён качнётся в унисон.

И поплывёт вода, играя берегами,
И рыба задрожит звездой на уде,
И тот, кто жизнь твою от зла оберегает,
Откроется тебе идущим по воде.

Запомни лик его, но не старайся следом,
Вернись в родной овраг, в полынь, в песок, в подзол
И верь, придёт вода с дождём и талым снегом,
И возвратится тот, кто по воде ушёл.

* * *

Не горюй обо мне, я согреюсь на солнышке редком,
И не сахарный я, чтобы таять под едким дождём.
Если землю мою разложить по молекулам-клеткам
И со мною сравнить — до конца мы с землёй совпадём,

Потому что века не прошли здесь легко и бесследно,
На тяжёлой крови поднималось жильё да быльё,
И родные мои в эту землю ложились посмертно,
Становились землёю, крупницей, частицей её.

Это суть бытия, это крепости нашей основа,
Это память мою отогрело движенье светил,
И когда постигаю закон притяженья земного,
Объясняю его притяжением отчих могил.

Я поправлю кресты, обновлю после снега оградки,
И смотреть буду вниз, дотемна не подняв головы,
Как земля прирастает с могильною каждою грядкой,
Скоро-скоро до неба дотянет макушкой травы.

УГРА

Мы отданы в зимнее иго,
Глаза открываем с трудом,
И наша Велесова книга
Железным запаяна льдом.

Достанет ли силы небесной,
И хватит ли веры земной,
Чтоб выдержать холод отвесный,
Чтоб наст продышать крепостной?

И, путь начиная от печки,
Увидеть сквозь мрак и пургу:
Войска наши встали у речки,
А враг на другом берегу.

* * *

Песок струится чёрным цветом,
Сереют волны сквозь шугу...
Я понимал, что даже летом
Здесь отогреться не смогу.

И замирал я в ожиданье,
И был послушным, как чернец,
И мне разгадка мирозданья
Казалась скорой наконец.

Но ветер сыпал в лихорадке
Песком с водою по глазам
И за мгновенье до разгадки
Меня отбрасывал к азам.

Он зло пружинил на просторе
И разрастался в ураган.
И понимал я, здесь — не море,
Здесь миром правит океан.

* * *

*Как будто закрываю веки
Несчастной Родины моей...*
Николай Зиновьев

А я не закрываю веки
Несчастной Родины моей,
Дышу на скованные реки,
Сметаю поздний снег с полей.

И день, и ночь пашу и сею,
Железо плавлю из руды,
Меня озноб: “Спасай Рассею!”
Не оторвёт от борозды.

А в час, когда свернётся жатва,
Спрошу в одном из тихих мест
В награду холмик — метр на два
И деревянный русский крест.